

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПРОЕКТЫ

Г. А. Ястребов

Социальная мобильность в постсоветской России: новый взгляд на проблему (с использованием продвинутых методов анализа)

ЯСТРЕБОВ Гордей Александрович — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Лаборатории сравнительного анализа развития постсоциалистических обществ, старший преподаватель кафедры экономической методологии и истории НИУ ВШЭ. Адрес: Россия, 101000 Москва, Мясницкая, д. 20.

Email: gordey.yastrebov@gmail.com

Существующие исследования социальной мобильности в постсоветской России в лучшем случае позволяют оценить её абсолютные масштабы. Однако проблема измерения мобильности в её абсолютных масштабах состоит в том, что при сравнении таких оценок, полученных за отдельные периоды (или для отдельных стран), никак не учитываются возможные сдвиги (или различия) в социальной структуре (связанные, например, с изменением номенклатуры занятий, экспансией высшего образования и т. п.). В связи с этим показатели абсолютной мобильности (нисходящей, восходящей или её полного отсутствия) не позволяют ответить на вопрос, в какой степени наблюдаемые изменения в мобильности обусловлены собственно институциональными (качественными), а не структурными (количественными) изменениями.

В данной работе мы планируем восполнить существующий пробел и проанализировать динамику относительной (не связанной со структурными изменениями) социальной мобильности за весь постсоветский период, применив для этого методы анализа, специально разработанные для этих целей в западной социологии. Речь идёт о так называемых линейно-логарифмических и линейно-мультипликативных моделях, используемых для сравнительного анализа таблиц сопряжённости. Конкретно под социальной мобильностью мы понимаем внутри- и межпоколенные социальные перемещения, связанные со сменой профессионального статуса, образовательного статуса и места жительства (территориальная мобильность).

В качестве эмпирической базы исследования будут использованы материалы всероссийских представительных опросов 1994, 2002, 2006 и 2013 гг., которые проводились под руководством профессора О. И. Шкаратана с целью получения репрезентативных данных о характере социальной стратификации и социального воспроизводства в современном российском обществе. Для получения максимально аккуратных результатов также планируется провести сверку вычислений, полученных с помощью альтернативных источников информации (RLMS, Generations & Gender Survey, International Social Survey Programme и European Social Survey).

В результате исследования мы планируем выяснить, как в действительности менялась динамика межпоколенных и внутривоколенных социальных перемещений в постсоветской России, и обсудить полученные результаты

в контексте режимов и тенденций социальной мобильности, наблюдаемых в других странах. Мы также предполагаем, что осуществление данного исследования позволит обогатить имеющуюся литературу благодаря рассмотрению эволюции социальной мобильности в обществе переходного типа и, несомненно, обладающем определённой спецификой по отношению к другим постсоциалистическим обществам.

Ключевые слова: социальная мобильность; равенство шансов; абсолютная мобильность; относительная мобильность; внутриспоколенная мобильность; межпоколенная мобильность; постсоветская Россия; логлинейный анализ.

Интенсивность и направленность процессов социальной мобильности рассматриваются социологами как одни из ключевых индикаторов, позволяющих оценить степень открытости современных обществ, а точнее — преодолённости тех ограничений, которые связаны с независимыми от воли людей социальными (в широком смысле) обстоятельствами и в то же время препятствуют реализации их амбиций, талантов и творческого потенциала. Представление о том, как в действительности развиваются эти процессы, даёт возможность оценить успехи общества в решении проблемы равенства шансов — проблемы, являющейся, по признанию многих учёных, краеугольной с точки зрения достижения оптимального баланса между экономической эффективностью и социальной справедливостью.

В то же время последние сравнительные исследования показывают, что современный мир по-прежнему далёк от решения этой проблемы. За последние 20 лет были реализованы как минимум три крупных исследовательских проекта, в которых опровергается тезис о растущей социальной мобильности и приводятся убедительные доказательства в пользу того, что наследование социальных (классовых) преимуществ является неизбежной характеристикой даже самых продвинутых обществ [Erikson, Goldthorpe 1992; Shavit, Blossfeld 1993; Breen 2004a]. Представители различных идейных направлений рассматривают разные механизмы социального (классового) воспроизводства, однако сам факт признаётся всеми: данная закономерность связана с внутренней логикой современного капитализма и является его неотъемлемой чертой. Тем не менее те же исследования показывают, что отдельным странам (скандинавским) всё же удалось достичь определённых успехов в решении этой проблемы, прежде всего благодаря активной социальной политике и вмешательству государства [Breen 2004a]. Тем самым социальная мобильность может рассматриваться ещё и как некоторое отражение эффективности институциональных мер, принимаемых государством для активизации творческого потенциала различных групп населения.

Проблема изучения социальной мобильности представляется по-прежнему актуальной и в современной России: возможность сравнить динамику социальных перемещений за отдельные периоды её постсоветской истории позволяет по-новому взглянуть на характер ключевых институциональных преобразований и мер государственной социальной политики (в системе образования, социальном обеспечении, на рынке труда и т. п.).

Злободневность выбранной темы подчёркивается в целом и общей слабостью современных государств в решении проблемы равенства шансов. О том, что эта проблема не только не теряет, но приобретает всё большую актуальность, можно судить по повестке одного из ключевых социологических мероприятий, намеченных на 2014 г., — очередного конгресса Международной социологической ассоциации, озаглавленного «Facing an Unequal World: Challenges for Global Sociology» («В мире неравенства: вызовы для глобальной социологии»). В числе тем, заявленных для обсуждения на этом мероприятии, представлены сюжеты, связанные с увеличивающимся социальным расслоением (в том числе в наиболее развитых странах мира), с практически повсеместно наблюдающимся сжатием ресурсной базы так называемого среднего класса, со снижением мобильности и перспектив трудоустройства для моло-

дѣжи, с неравенством в доступе к качественному образованию и т. д. Другими словами, описываемое исследование целиком попадает в число наиболее «горячих тем» современной социологии.

Степень разработанности проблемы

Несмотря на то что многие исследователи ещё в советское время занимались социальными перемещениями (В. И. Лукина, А. А. Матулёнис, С. Б. Нехорошков, В. И. Паниотто, М. Н. Руткевич, В. М. Титма, Ф. Р. Филиппов, В. Ф. Черноволенко и др.) и в постсоветское время изучали социальное неравенство (З. Т. Голенкова, Т. И. Заславская, В. И. Ильин, Т. М. Малеева, Н. Е. Тихонова, О. И. Шкаратан, и др.), проблемы социальной мобильности в актуальной отечественной литературе по данной проблематике являются одними из наименее изученных. Сразу оговоримся: мы не рассматриваем здесь специально целый класс исследований, посвящённых изучению конкретных факторов, влияющих на индивидуальные социальные перемещения (будь это образовательные стратегии или карьерные траектории), поскольку в данном проекте нас прежде всего интересуют попытки моделирования и осмысления социальных процессов на макроуровне.

Одной из немногих отечественных работ, прямо посвящённых обозначенной теме, является монография Ф. М. Черныша [Черныш 2005], в которой проведён детальнейший анализ трансформации системы социальных институтов, обеспечивающих мобильность, в ситуации перехода российского общества от советского к постсоциалистическому, рыночному. На основе анализа различных кейсов и данных разрозненных социологических опросов автор приходит к выводу о том, что процесс модернизации российского общества не сопровождался увеличением потоков социальной мобильности; наоборот, в послереформенной России происходило постепенное «закрытие» основных социальных групп и общее снижение интенсивности перемещений. Следует отметить неполноту информационной базы этого исследования, поскольку представленные в нём данные ограничены 1998 г.

Анализом процессов внутр поколенной и межпоколенной социально-профессиональной мобильности в своих более ранних изысканиях занимался и автор данного проекта, в том числе в соавторстве с профессором О. И. Шкаратаном, инициатором трёх представительных опросов российского населения, специально разработанных для этих целей. На основе собранных данных нами были сконструированы и проанализированы простейшие таблицы внутр поколенной и межпоколенной социально-профессиональной мобильности [Ястребов 2009; Шкаратан, Ястребов 2011]. Для фиксации социально-профессионального статуса использовалась специально разработанная шкала, концептуально связывающая социальный статус с характером и содержанием труда по роду основной деятельности. В ходе анализа этих таблиц также был сформулирован вывод о снижении интенсивности социальных перемещений, о сужении возможностей для социально-профессионального роста россиян и о становящемся всё более характерным наследовании статуса родительской семьи. Однако ограничения использованного нами метода не позволили, к сожалению, установить, в какой степени эти тенденции были обусловлены институциональными, а не структурными факторами.

Высокую хаотичность профессиональных перемещений в 1990-е гг., связанную с вынужденной сменой работы и масштабным переструктурированием экономики, отмечает П. К. Сабирьянова [Sabirianova 2002]. Она также обращает внимание на возросшее количество нисходящих перемещений, связанных с резким сокращением высокостатусных профессий вследствие их слабой востребованности в трансформирующейся экономике. Однако её анализ, как и наш, основан на информации об абсолютной мобильности, не позволяющей нейтрализовать эффект масштабных структурных изменений. К тому же работа П. К. Сабирьяновой, как и большинство знакомых нам исследований, ограничена временной рамкой — 1998 г.

Единственная известная нам работа по постсоветской России, в которой вышеназванная проблема решается с помощью использования продвинутых методов анализа, представлена исследованием американских социологов Т. Гербера и М. Хоута [Gerber, Hout 2004]. Используя данные, собранные за 1988–2000 гг., они предприняли попытку сравнить характер межпоколенной социальной мобильности в позднесоветский и постсоветский периоды, приняв во внимание при этом весьма вероятные различия в структуре доступных социальных позиций. Благодаря этому удалось доказать, что глубинные институциональные изменения, которые претерпело российское общество в процессе перехода от социализма к рыночным отношениям, в действительности оказали решающее воздействие на характер социальных перемещений. В частности, Гербер и Хонт показали, что в период позднего социализма мобильность носила высокоинтенсивный характер, даже если принять во внимание тот факт, что социальная структура того времени предоставляла больше возможностей для восходящих социальных перемещений. Однако после значительных пертурбаций начала 1990-х гг. и состоявшегося транзита к рыночной экономике социальная мобильность в России приобрела черты, присущие этому процессу в западных странах, а именно — классовый характер, при котором социальное происхождение (статус родительской семьи) в значительной степени определяет перспективы социального продвижения. В то же время полученные Гербером и Хоутом результаты характеризуют ситуацию лишь до 2000 г., к тому же исследователи не рассматривают такие частные аспекты общего процесса мобильности, как образовательная и территориальная мобильность.

Конкретизация научной проблемы и гипотез исследования

Итак, научная проблема, на решение которой ориентирован данный исследовательский проект, состоит в отсутствии достоверного знания о характере и масштабах относительной социальной мобильности (или социальной подвижности) в постсоветской России начиная с 2000-х гг. Под социальной мобильностью мы будем понимать внутри- и межпоколенные социальные перемещения, связанные со сменой профессионального статуса, образовательного статуса и места жительства (территориальная мобильность).

Как уже было сказано выше, существующие отечественные исследования в лучшем случае давали оценку абсолютной мобильности, то есть всего объема социальных перемещений, который потенциально связан не только с индивидуальными и институциональными факторами, но и с масштабными структурными изменениями в обществе (например, с экспансией высшего образования и (или) увеличением числа высокостатусных социально-профессиональных позиций). В то же время относительная социальная мобильность, «очищенная» от эффекта структурных изменений, представляет собой своего рода рафинированную оценку подвижности социальных лифтов и потому может рассматриваться как более адекватный индикатор качества институциональных преобразований в ключевых сферах (образование, рынок труда). Получение этих оценок впервые стало возможным в зарубежной социологии благодаря развитию продвинутых методов анализа, в частности, так называемой линейно- (*log-linear*) и мультипликативно-логарифмических (*log-multiplicative*) моделей [Erikson, Goldthorpe 1992; Xie 1992; Green 2004b и др.], которые сегодня широко используются при обработке традиционных таблиц мобильности. Однако, насколько нам известно, ни в отечественной, ни в зарубежной литературе подобные расчёты для России за весь постсоветский период не производились. Единственное исследование такого рода, проведённое Т. Гербером и М. Хоутом, ограничено, как уже отмечалось, 2000-м годом и не рассматривает акты социальной мобильности, связанные со сменой образовательного статуса или места жительства. В данном исследовании мы планируем восполнить этот пробел.

Что касается конкретных гипотез, подлежащих проверке в данном исследовании, то мы ожидаем увидеть следующее:

- высокоинтенсивный, почти хаотичный характер социальной мобильности в первой половине 1990-х гг. (так как люди зачастую вынужденно меняли род занятий и сопряжённый с ним социальный и экономический статус вследствие масштабных институциональных преобразований и кардинального реформирования социальной структуры);
- снижение интенсивности и повышение предсказуемости социальных перемещений к концу 1990 — началу 2000-х гг. в связи с относительной стабилизацией социальной системы и, конкретно, формированием классов аналогично тому, как это происходило в большинстве индустриальных стран (так называемые гипотезы о конвергентности, о максимально поддерживаемом неравенстве и т. п. (см., например: [Featherman, Jones, Hauser 1975; Erikson, Goldthorpe 1992; Shavit, Blossfeld 1993]).

Однако наибольший научный интерес, в том числе с точки зрения оценки качества институциональных преобразований, представляет то, как в действительности развивалась российская ситуация в 2000-е гг. С учётом резко увеличившегося неравенства на фоне крайне скромных достижений в развитии конкурентного рынка труда, повышения доступности качественного образования, расширения возможностей для территориальной мобильности и других подобных мер мы не ожидаем сколько-нибудь существенных улучшений в режиме относительной социальной мобильности за этот период.

Цель и задачи исследования

Общая цель данного исследования состоит в том, чтобы выяснить, как эволюционировал характер относительной социальной мобильности в России в постсоветский период, и на этой основе дать интегральную оценку качества институциональных преобразований, ориентированных на выравнивание возможностей для всех групп российского населения. Для достижения поставленной цели предполагается решить следующие задачи:

- критически проанализировать существующие факты о характере социальной мобильности в постсоветской России и рассмотреть их в более широком контексте международных сравнительных исследований, посвящённых данной проблеме;
- сформулировать категориальный аппарат исследования и разработать концептуальное определение социальных перемещений с учётом (а) традиций, сложившихся в западной литературе по проблеме социальной мобильности; (б) российской институциональной специфики и (с) возможности операционализации этого определения на основе информации, традиционно содержащейся в опросных листах масштабных представительных опросов;
- провести детальный количественный анализ социальных перемещений (в терминах образования, социально-профессионального статуса и территориальной мобильности) на основе информации представительных опросов с использованием как традиционных, так и ранее не использовавшихся в России методов анализа данных (линейно- и мультипликативно-логарифмического моделирования);
- провести обсуждение полученных результатов в контексте структурных и институциональных аспектов трансформации российского общества в постсоветский период, а также в контексте режимов социальной мобильности, характерных для стран с различными «типами капитализма» или для государств «всеобщего благосостояния».

Методы исследования и данные

Преимуществом данного исследования по сравнению с существующими исследованиями, посвящёнными изучению социальной мобильности в постсоветской России, является выбор методов анализа.

Традиционно для этих целей используются так называемые таблицы мобильности, представляющие собой частный случай таблиц сопряжённости для двух переменных, где на пересечении столбцов (*i*) и строк (*j*) фиксируется количество фактических переходов из положения “*i*” (*origin*, т. е. из исходной позиции) в положение “*j*” (*destination*, т. е. в результирующую позицию). Эта информация может быть восстановлена, например, на основе данных из представительных опросов путём фиксации социальных характеристик респондентов на разных этапах их жизненного пути или — для случая межпоколенной социальной мобильности — характеристик родителей респондента против характеристик его собственного социального положения.

Однако, даже если принять допущение о том, что все возможные переходы в этих таблицах можно классифицировать в терминах нисходящей, восходящей или горизонтальной социальной мобильности (что не всегда удаётся сделать на практике), сама по себе табличная информация даёт возможность оценить лишь абсолютную мобильность, то есть общее число переходов, совершаемых индивидами в том или ином направлении безотносительно структуры имеющихся позиций. Так, например, сравнивая страну, в которой больше половины населения является «синими воротничками» (т.е. носителями более низкого социального статуса), со страной, в которой больше половины населения представлено «белыми воротничками» (т.е. носителями более высокого социального статуса), мы, скорее всего, обнаружим, что доля нисходящих социальных перемещений в первом случае будет выше, чем во втором. Но произойдёт это просто потому, что доля низкостатусных позиций в первой стране *a priori* выше, а вместе с ней и выше вероятность попадания в соответствующую группу.

В то же время с точки зрения изучения качества работы социальных лифтов мы, как исследователи, заинтересованы в том, чтобы знать, как различаются вероятности перехода из одной социальной группы в другую за вычетом описываемого выше «структурного эффекта» (т.е. когда вероятность перемещений из одной социальной группы в другую определяется характеристиками самой социальной структуры, или, другими словами, наличием вакантных мест в группе, в которую осуществляется переход). Для этих целей в западной социологии был разработан специальный аппарат, общий принцип которого сводится к статистическому объяснению (регрессированию логарифма) частот в ячейках таблиц мобильности с помощью таких параметров, как общее количество элементов в таблице, маргинальные частоты по отдельным столбцам и строкам, а также частоты, отражающие тенденцию к совместной «встречаемости» и (или) «невстречаемости» отдельных признаков (своего рода эффект взаимодействия столбцов и строк).

Конкретно для сравнения таблиц мобильности между отдельными странами и (или) за отдельные периоды сегодня обычно применяют три статистические модели:

- первая представляет собой линейно-логарифмическую (*log-linear*) модель так называемой постоянной социальной подвижности (*constant flux*) [Featherman, Jones, Hauser 1975; Goldthorpe 1987], позволяющую проверить предположение о том, что характер относительной мобильности одинаков во всех сравниваемых случаях и различия в абсолютной мобильности обусловлены исключительно структурными эффектами;
- вторая является мультипликативно-логарифмической (*log-multiplicative*) моделью [Erikson, Goldthorpe 1992; Хие 1992], и, собственно, именно она позволяет проверить гипотезу о различиях в характере относительной мобильности для рассматриваемых случаев;

— наконец, в качестве референтной (но при этом, как правило, наименее реалистичной) во всех случаях рассматривается модель, предполагающая отсутствие какой-либо статистической связи между исходной и результирующей социальными позициями.

Логика статистических расчётов, основанную на этих моделях, мы планируем воспроизвести на данных всероссийских представительных опросов, проводившихся в 1994, 2002, 2006 и 2013 гг. под руководством профессора О. И. Шкаратана с целью получения репрезентативных данных о характере социальной стратификации и социального воспроизводства в современном российском обществе. Выборка опросов за каждый год составляет приблизительно 2500 человек и конструируется по квотному принципу. В качестве оснований для расчёта квот используется территориально-экономическое районирование, а также распределение населения по типам поселения, уровню образования и половозрастным характеристикам (более подробное описание см.: [Шкаратан 2009: 20–25]). Результаты сверки по контрольным признакам с генеральной совокупностью показывают, что средняя погрешность этих выборок составляет приблизительно 4%. Принцип построения выборки не меняется с 1994 г., что обеспечивает возможность корректных сопоставлений за различные годы.

Ключевым преимуществом указанных опросов перед существующими масштабными обследованиями (RLMS, а также различные регулярные мониторинги таких крупных социологических центров, как ВЦИОМ, ROMIR, Левада-Центр, Фонд «Общественное мнение» и т. п.) является корпус вопросов, позволяющих достаточно точно зафиксировать (1) тип поселения; (2) профессиональный и (3) образовательный статусы респондента на разных этапах его (её) жизненного пути, а также зафиксировать аналогичные признаки для его (её) родителей, старшего взрослого ребёнка, партнёрши (партнёра) и ближайшего друга.

Впрочем, руководствуясь установкой на получение максимально аккуратных результатов, мы также планируем провести сверку вычислений, проведённых с помощью альтернативных источников информации (в частности, следующих: RLMS, Generations & Gender Survey, International Social Survey Programme и European Social Survey).

Литература

- Черныш М. Ф. 2005. *Социальные институты и мобильность в трансформирующемся обществе*. М.: Гардарики.
- Шкаратан О. И. 2009. *Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России*. М.: ОЛМА Медиа Групп.
- Шкаратан О. И., Ястребов Г. А. 2011. Сравнительный анализ процессов социальной мобильности в СССР и современной России. *Общественные науки и современность*. 2: 5–28.
- Ястребов Г. А. 2009. Воспроизводство социально-профессиональных групп в современной России. *Мир России: социология, этнология*. 2: 116–140.
- Breen R. (ed.). 2004a. *Social Mobility in Europe*. New York: Oxford University Press.
- Breen R. 2004b. Statistical Methods of Mobility Research. In: Breen R. (ed.) *Social Mobility in Europe*. New York: Oxford University Press; 17–37.
- Erikson R., Goldthorpe J. H. 1992. *The Constant Flux: A Study of Class Mobility in Industrial Societies*. Oxford: Clarendon Press.

- Featherman D. L., Jones F. L., Hauser R. M. 1975. Assumptions of Social Mobility Research in the US: The Case of Occupational Status. *Social Science Research*. 4: 329–360.
- Gerber T., Hout M. 2004. Tightening up: Declining Class Mobility during Russia's Market Transition. *American Sociological Review*. 69 (5): 677–703.
- Goldthorpe J. H. 1987. *Social Mobility and Class Structure in Modern Britain*. Oxford: Clarendon Press.
- Hout M. 2006. Maximally Maintained Inequality and Essentially Maintained Inequality: Cross-National Comparisons. *Sociological Theory and Methods*. 21 (2): 237–252.
- Kohn M. L. 2006. *Change and Stability: A Cross-National Analysis of Social Structure and Personality*. Boulder, CO: Paradigm Publishers.
- Sabirianova K. 2002. The Great Human Capital Reallocation: A Study of Occupational Mobility in Transitional Russia. *Journal of Comparative Economics*. 30 (1): 191–217.
- Shavit Y., Blossfeld H. P. (eds). 1993. *Persistent Inequality: Changing Educational Attainment in Thirteen Countries*. Boulder, CO: Westview Press.
- Xie Y. 1992. The Log-Multiplicative Layer Effect Model for Comparing Mobility Tables. *American Sociological Review*. 57 (3): 380–395.

RESEARCH PROJECTS

Gordey Yastrebov

Social Mobility in the Post-Soviet Russia: A Revision of Existing Measurements by Drawing on Advanced Methods

YASTREBOV, Gordey

Alexandrovich — Candidate of Sciences in Sociology, Senior Lecturer, Subdepartment of Economic Methodology and History; Senior Research Fellow, Laboratory for Comparative Analysis of Post-Socialist, National Research University Higher School of Economics. Address: 20 Myasnitskaya str., Moscow 101000, Russian Federation.

Email: gordey.yastrebov@gmail.com

Abstract

Most of existing studies of social mobility in the post-Soviet Russia provide measurements in terms of absolute mobility. However, the problem with such measurements is that they do not account for the structural differences when applied for cross-temporal (or cross-national) comparisons (which might be caused, for instance, by the change in the relative number of certain occupations, the expansion of higher education, etc.). Thus, absolute mobility (be it downward, upward or no mobility at all) does not distinguish the change which is caused by the institutional (i.e. qualitative), rather than the structural (i.e. quantitative) change.

In this project we aim to fill in this gap and to analyze the dynamics of relative social mobility (i.e. mobility “net” of structural factors) in the post-Soviet period. Precisely, we would use the so called log-linear and log-multiplicative models designed to analyze contingency tables. By

social mobility in this research we will understand intra- and intergenerational individual shifts in terms of occupational status, education and spatial (i.e. urban/rural) location.

The data we will use come from representative surveys conducted in 1994, 2002, 2006 (2013 is work-in-progress at the stage of grant application). The surveys were initially designed by professor Shkaratan for the purpose of studying mobility and stratification processes in modern Russia. In order to guarantee the accuracy of our results we also intend to run parallel estimations by drawing on alternative data (RLMS, Generations & Gender Survey, International Social Survey Programme and European Social Survey).

As a result we expect to obtain correct estimations of the rates of relative social mobility in Russia, and show how they evolved throughout the post-Soviet period. We would then discuss these results in the light of major institutional and policy changes, as well as the trends and patterns of social mobility currently observed in other countries. We believe that this research can contribute to the world literature by discussing the evolution of social mobility in a post-transitional state with unique institutional context.

Key words: social mobility; equality of opportunity; absolute mobility; relative mobility; intragenerational mobility; intergenerational mobility; post-Soviet Russia; log-linear modeling; log-multiplicative modeling.

References

Breen R. (ed.). (2004a) *Social Mobility in Europe*, New York: Oxford University Press.

Breen R. (2004b) Statistical Methods of Mobility Research. In: Breen R. (ed.) *Social Mobility in Europe*, New York : Oxford University Press, pp. 17–37.

- Chernysh M. F. (2005) *Sotsial'nye instituty i mobil'nost' v transformiruyushchetsya obshchestve* [Social Institutions and Mobility in a Developing Country], Moscow: Gardariki (in Russian).
- Erikson R., Goldthorpe J. H. (1992) *The Constant Flux: A Study of Class Mobility in Industrial Societies*, Oxford: Clarendon Press.
- Featherman D. L., Jones F. L., Hauser R. M. (1975) Assumptions of Social Mobility Research in the US: The Case of Occupational Status. *Social Science Research*, vol. 4, pp. 329–360.
- Gerber T., Hout M. (2004) Tightening up: Declining Class Mobility during Russia's Market Transition. *American Sociological Review*, vol. 69, no 5, pp. 677–703.
- Goldthorpe J. H. (1987) *Social Mobility and Class Structure in Modern Britain*. Oxford: Clarendon Press.
- Hout M. (2006) Maximally Maintained Inequality and Essentially Maintained Inequality: Cross-National Comparisons. *Sociological Theory and Methods*, vol. 21, no 2, pp. 237–252.
- Kohn M. L. (2006) *Change and Stability: A Cross-National Analysis of Social Structure and Personality*. Boulder, CO: Paradigm Publishers.
- Sabirianova K. (2002) The Great Human Capital Reallocation: A Study of Occupational Mobility in Transitional Russia. *Journal of Comparative Economics*, vol. 30, no 1, pp. 191–217.
- Shavit Y., Blossfeld H. P. (eds). (1993) *Persistent Inequality: Changing Educational Attainment in Thirteen Countries*. Boulder, CO: Westview Press.
- Shkaratan O. I. (2009) *Sotsial'no-ekonomicheskoe neravenstvo i ego vosproizvodstvo v sovremennoy Rossii* [Social and Economic Inequality and Its Reproduction in Contemporary Russia], Moscow: OLMA Media Grupp (in Russian).
- Shkaratan O. I., Yastrebov G. A. (2011) Sravnitel'nyy analiz protsessov sotsial'noy mobil'nosti v SSSR i sovremennoy Rossii [Comparative Analysis of Processes of Social Mobility in USSR and Modern Russia]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no 2, pp. 5–28 (in Russian).
- Xie Y. (1992) The Log-Multiplicative Layer Effect Model for Comparing Mobility Tables. *American Sociological Review*, vol. 57, no 3, pp. 380–395.
- Yastrebov G. A. (2009) Vosproizvodstvo sotsial'no-professional'nykh grupp v sovremennoy Rossii [Reproduction of Social and Professional Groups in Contemporary Russia]. *Mir Rossii: sotsiologiya, etnologiya*, no 2, pp. 116–140 (in Russian).